



The image is a movie poster. It features a man with dark hair and a serious expression, looking out of the driver's side window of a silver car. The car is parked on a dirt road. In the background, there is a cemetery with several large, weathered wooden crosses and tombstones. The scene is set during sunset or sunrise, with a warm, golden light. The title 'Ключ от сердца' is written in large, bold, yellow, distressed font across the bottom. Below the title, there is a small black box with white text that reads 'СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ'. To the right of this box, there is a white circle with '18+' inside. At the very bottom, the name 'Юлия Снежкова' is written in a bold, black font.

Ключ от сердца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Снежкова

Юлия Снежкова
Ключ от сердца

«Автор»

2026

Снежкова Ю.

Ключ от сердца / Ю. Снежкова — «Автор», 2026

Николай задолжал бандитам — и теперь должен забрать загадочный ключ у старухи, что обитает в глухой деревне. Время на исходе, а в Евграфово царит странная, пугающая тишина. Успеет ли он спасти себя?

© Снежкова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Игрок	5
Глава 2. Ключ находит	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ключ от сердца

Глава 1. Игрок

Игроком, а уж тем более лудоманом Николай не считал себя никогда. Скорее искателем. А любовь к сменяющимся циферкам на ярком экране объяснял страстью к красивой жизни — к такой, где вместо снежной мешанины под ногами будет палуба яхты, а запах опостылевших дешёвых сосисок сменит солёный ветер и кофе с видом на залив.

Вот и сейчас звуки ударов по двери вырвали его из приятного сна. Лёгкое марево поблёкло, палуба белоснежной яхты растаяла, сменившись беспощадной утренней реальностью: облупившейся краской на косяке, пылью, которая висела в косых лучах, и этим противным, вьёвшимся в стены запахом старого подъезда — смесью мокрого бетона, кошачьей мочи и чего-то кислого. Он приоткрыл глаза, грохот на лестничной клетке усилился. Нашарил под кроватью стоптанные синие тапки и, почёсывая двухдневную щетину, двинулся в коридор.

Деревянную, единственную во всём подъезде, шатало от сыпавшихся снаружи ударов. Кто бы там ни был — войти ему очень хотелось.

— Сейчас, — крикнул Николай, щёлкая замком.

По хорошим поводам к нему давно никто не приходил, а узнавать, кто конкретно припёрся по плохому, всё равно возможности нет: глазка в хлипкой дверце не было.

Он потянул на себя ручку. И тут же присел, скривившись. На автомате провёл языком по зубам — удача, но вроде все целы. Рот залило что-то тёплое, отдало привкусом железа.

На пороге стояли двое в тёмных куртках. Короткие стрижки, широкие плечи. У одного нос смотрел набок.

— Ты когда, падла, долг вернёшь? — процедил тот, что постарше.

Бугай с поломанным носом погладил костяшки правой руки, на которых белели старые шрамы и свежие ссадины. Николай, опираясь о дверь, привстал.

— Чепал, мы же говорили — на следующей неделе, как обещал.

Они шагнули в прихожую. Тот, что постарше, оглядел отклеивающиеся обои с почти неразличимым узором и выцветшие бумажные плинтусы. Кивнул другому.

Второй удар пришёлся под дых, Николай мешком грохнулся на линолеум. Из угла на него одним глазом смотрела оранжевая неваляшка — её трёхлетнему тогда ещё Коленьке мама подарила на Новый год.

— Неделя твоя прошла вчера. Где деньги? — с интонацией человека, которому всё это давно надоело, проговорил Чепал.

Николай, опираясь на локти, попытался встать. Туловище непроизвольно повело влево, он сплюнул прямо на пол. Чепал щёлкнул пальцами и бросил напарнику:

— Поднимай.

Детина, вцепившись в подмышки, встряхнул и поставил на ноги хозяина. Тот застонал, проведя руками по рёбрам. С кухни радио сообщило, что в столице девять утра. Потом кто-то, фальшивя, запел про журавлей, что вечно хотят в южные края.

— Короче, расклад такой, — Чепал склонился к его лицу, оглушив ароматом ядрёного одеколона: смеси дешёвого спирта и цитруса, — считай, что жар-птицу за жопу поймал.

Парень за спиной Николая хмыкнул.

— Дают тебе люди один шанс поправиться. За Кирвачем в Евграфово одна бабка живёт...

Николай замотал головой — Чепал молниеносно отреагировал хлесткой затрещиной.

— Хватит пустой кастрюлей трясти, дослушай сначала. Короче, в Евграфово мчишь. У старухи ключ выкупаешь. Или как-то иначе, короче, договариваешься, чтобы ключ был у тебя. Его мне отдаёшь. Считай, что долг твой прощён.

Николай непонимающе уставился на бандита.

— В смысле? Какой ключ?

— Старый, длинный, железный. Там не ошибёшься, — буркнул Чепал.

— И что? И всё? — не веря своему счастью, произнёс Николай, запинаясь. — Ты сам знаешь, мне нельзя по жесткачу, условка же...

Гость расплылся в нехорошей улыбке, доставая из внутреннего кармана пачку денег.

— Тут двадцать пять тысяч, — пробормотал он, глядя на вспыхнувшие глаза Николая. — С бабкой сам по цене решай. Всё, что останется, то твоё. Но если до пятницы ключа не будет, то субботы ты уже не увидишь. Усёк?

Николай машинально кивнул, не в силах оторвать взгляда от купюр в его руках. Смысл сказанного дошёл до мужчины только после того, как за визитёрами захлопнулась дверь. Он ещё раз пересчитал оранжевые бумажки и подмигнул неваляшке.

Тощий, он же Тощев Андрей Геннадьевич, кличку свою не оправдывал, являясь упитанным молодым человеком лет двадцати пяти. Одетый в неизменную чёрную футболку с волком, он сидел на скамейке рядом с Николаем и вертел стеклянную бутылку.

Мужчина проследил за тем, как Тощий сморкается на асфальт, а затем вытирает руки о синие спортивные штаны. В перечне неоспоримых достоинств парня этикет явно не значился, зато имелись два других, более чем подходящих ситуации: умение уболтать даже мёртвого и серебристый БМВ Е28 на ходу.

— И чё, Чепал тебе прямо так бабло и отдал? — Тощий почесал короткий тёмный ежик. Николай нехотя кивнул.

— Просто за то, чтоб до бабки доехать? — прищурился собеседник.

— Ну как сказал, за то и продаю. — Николай взял стоящую рядом с ним бутылку минералки и сделал глоток.

— Фу, тёплая, — скривился мужчина. — Просил же из холодильника.

Тощий почесал нос. Из открытого окна квартиры на первом этаже донёсся взрыв телевизионного хохота.

— Чего-то я всё никак не пойму, где тут собака зарыта. Сгонять в село да купить у старухи ключ каждый пацан может. Чего Чепал сам не попёрся?

Бутылка, которую Тощий поставил на асфальт перед собой, издала резкий, высокий звук.

— Не в моей ситуации, знаешь ли, вопросы задавать. Здравствуйте, тётя Маш. — Николай кивнул выходящей из подъезда женщине в тёмном платке. Она, не ответив на приветствие, лишь неодобрительно покачала головой да покатила дальше сумку на скрипящей тележке.

— Значит, есть какой-то затык, — продолжал настаивать Тощий.

— Затык у меня в субботу будет, если я ему этот сраный ключ не притащу. Харе изображать Шерлока. Ты в деле? — повернувшись к парню, спросил Николай.

— Угу. Без б. Только не как в прошлый раз — в этот остатки пополам делим. Плюс на бензин докидываешь. — тот указал на серебристый седан, что поблёскивал фарами под фонарём неподалёку.

— Ладно тебе. В этот раз всё без приключений, — ухмыльнулся Николай. Хотя червячок сомнений, грызущий его с самого утра, до конца успокоиться не давал.

Всю ночь Николай провалялся без сна, глядя в тёмный потолок. Каждый шорох в подъезде казался ему шагами передумавшего Чепала. Он то и дело тянулся к пачке денег на столе, пересчитывал купюры, будто они могли дать ответ.

Когда зазвенел будильник, Николай наскоро побрился, одним глотком осушил кружку с чаем и вышел из квартиры.

Тощий не подвёл. Парень в чёрной футболке натирал фары старенькому БМВ, припаркованному у подъезда.

Они пожали друг другу руки. Мужчина обошёл машину и открыл переднюю пассажирскую дверь.

Тощий, выложив на навигатор на бампер, водил по прибору пальцем и матерился себе под нос:

— Всю подвеску на этих дорогах оставляю.

— На дороге. Как в лучших ужастиках, до Евграфово одна колея идёт, — хохотнул Николай, усаживаясь в пассажирское кресло. — Либо сворачиваем за Кирвачём, либо через лес своим ходом.

Парень залез в салон, пристегнулся.

— Я турпоходы с детства не люблю. Меня отчим каждое лето по этим сплавам таскал. Вечно мокрые, мошка, комары. Лучше б приставку купил или видик. Поэтому давай без экстрима — как приехали, так на колёсах назад и вернёмся.

Тощий остановил качающийся освежитель — ёлочку.

Машина с лёгким заносом тронулась, выехав из двора. Миновав белое здание администрации, серебристый седан встроился в поток машин, выезжающих из города. Из-за, казалось, бесконечного ремонта дороги скорость движения сбросилась до минимума. Николай было прикрыл глаза, но Тощий грязно выругался и нажал на гудок.

— Да хватит тебе, — пробурчал Николай.

— А чё подрезать-то? — ошетинился Тощий, шмыгнув носом.

— Кто подрезает? Выехали, тем более, глянь, вроде спасатели, — кивнул он на тархтящую впереди буханку с оранжевой надписью. — Если что, по нашу с тобой душу приедут. Так что не мороси.

Водитель нашарил под сиденьем бутылку с оранжевым лимонадом и сделал оттуда большой глоток. Вернув напиток на место, забарабанил пальцами по рулю.

— Слыш, ты чё такой нервный? — покосился на него Николай.

Машина газанула и перестроилась в другой ряд.

— Я тут всю ночь думал, даже в новостях порыскал, — Тощий остановился на светофоре, глядя, как дорогу переходит женщина с коляской.

Николай почесал ухо и лениво пробормотал:

— И? Есть чего? Массовые исчезновения? Круги на полях? Может, хоть у кого-то корову спёрли?

Загорелся зелёный — машина тронулась.

— В том-то и дело, что нет. Всё ровно. Районные праздники какие-то. Нет, бывают, пропадают люди. Но там из серии: в лес по грибы ушли.

Николай залез в карман спортивной куртки и, убедившись, что деньги на месте, произнёс:

— Тощий, я чего-то совсем перестал понимать. Типа никакой жести в районе не творилось — значит, трындец. Или как?

Тот, не отрываясь от дороги, кивнул:

— Ну типа. Когда понятно, чего бояться — пушки там, темноты, холода, то легче же. А тут фиг знает — тишь на поверхности.

Машину тряхнуло — они как раз проезжали старый понтонный мост.

— Дыши ровно. Сейчас доедем до Евграфово, поболтаем с бабкой, и к вечеру нормально назад возвращаемся. Ещё и при деньгах. — Николай смотрел, как за окном проплывает крытый дачный рынок, как какой-то мужик пытается погрузить в жёлтые «Жигули»-копейку явно превышающий их возможности пластиковый тент.

— Ага, — вяло согласился Тощий.

Через два с половиной часа залатанных дорог и качания на кочках они добрались до Евграфово. Село встретило их шумом работающего в поле трактора и гомоном деревенской ребятни. Даже наступившая жара не смогла удержать детей от беготни друг за другом.

— А меня вот так к бабке в деревню на лето отправляли, — кивнул на прицеливавшегося из пластмассового пистолета пацана Николай. — Здорово было, если бы не огород. Бабка строгая, пока всех жуков с картошки не соберёшь, на пруд не отпускали.

Тощий вдарил по рулю — клаксон взревел, прогоняя переходившего перед машиной гуся. Птица яростно затрепетала огромными крыльями и скрылась за раскидистым малиновым кустом. Машина ползла среди улицы, утопающей в зелени.

— Так-то норм детство. Всяко лучше, чем у телека или компьютера, — согласился водитель.

— Далеко нам до села?

Парень кинул взгляд на экран навигатора. Прищурился.

— Минут через сорок, максимум час на месте будем.

Машина ухнула, уйдя в колею.

— Да что б тебя, — выматерился Тощий.

— Нормально. Значит, домой засветло двинемся, — Николай улыбнулся своему отражению в боковом зеркале заднего вида.

— Ну-ну. Мне бы твой оптимизм. — Тощий бросил на него короткий взгляд и помотал головой.

Машина вывернула с утоптанной грунтовки на поросшую травой колею. Деревенские домики остались сзади, впереди маячило кладбище. Покосившийся железный забор местами почти рухнул. Высокие кусты коричневого сухого репейника щерились между прутьев. Чёрные кресты соседствовали со звёздами на мемориальных камнях.

Они объезжали кладбище справа.

— Ты смотри, старое, а ухаживают, — кивнул Николай на аккуратно уложенные квадраты дёрна.

За раскидистой берёзой можно было разглядеть ряд свежеекрашенных памятников.

— Деревня вполне живая. Народ проводить родственников приходит, — повернув руль влево, ответил Тощий.

Мужчина всё никак не мог оторвать взгляд от череды чёрно-белых фото. Люди на них — где-то вдвоём, но чаще всего поодиночке — смотрели в объектив с надеждой и уверенностью в завтрашнем дне. Мало кто всерьёз думал, что именно это фото украсит их последний приют.

Тощий проследил за взглядом мужчины.

— Что, совсем на успех не надеешься? — хохотнул парень и крутанул руль так, что под машиной что-то опасно завизжало.

— Сплюнь. Или по своему пустому кумполу постучи. Больше пользы будет.

Николай непроизвольно сжал кулаки.

Примерно через полчаса дорога, извиваясь и петляя, привела их к крохотной деревеньке. Буквы на синем указателе по большей части истёрлись. Не больше десятка дворов, стоящих полукругом, приветствовали путников тишиной да соловьиными трелями. Дома сплошняком из потемневшего дерева, черепичные крыши. Кое-где приоткрыты калитки — но не видно ни живности, ни галдящей детворы.

— Ну, приехали, теперь куда? — вертя головой, спросил Тощий.

Машина остановилась в импровизированном центре населённого пункта — прямо у покрытого тяжёлой крышкой колодца.

— А я знаю. Чепал сказал, что на месте понятно будем. Выходи, пойдём у аборигена спросим, — щёлкнув замком, Николай выбрался из салона.

У второго справа дома дед в серых кальсонах вытаскивал из покосившегося сарая деревянную лохань.

— Добрый день, — окликнул его Николай.

Старик, не выпуская добра из рук, обернулся. Очки в большой оправе увеличивали его голубые глаза, делая неестественно большими. Большой сливовидный нос был покрыт россыпью красных капилляров-прожилок. Дедок, одной рукой поправив дужку, пригляделся.

— Здравствуйте, — повторно приветствовал его мужчина.

Старик отряхнул правую руку о лацкан пиджака болотного цвета, но не подал.

— Здравствуй, коль не шутишь, — наконец отозвался местный житель.

— А давайте мы вам поможем? — предложил подлетевший Тощий, цепляя лохань за другую ручку.

Дед крикнул, кивнул в сторону приоткрытой калитки, и они засеменили туда.

— Вы вообще кто такие? — хмурясь, спросил старик, когда они почти занесли утварь к нему на участок.

— Скупщики ценного, — выпалил Тощий, оскалившись.

Старик кивком показал, что можно бросить лохань. Потом ещё раз, подслеповато прищуриваясь, всмотрелся в лица напарников.

— Ценного, — губы его растянулись в улыбке, обнажая почти полностью лишённую зубов верхнюю челюсть.

— Да, были в Кирваче, там нам к вам заглянуть посоветовали, — сказал Николай.

В доме напротив что-то глухо стукнуло, мужчина обернулся, но изменений в унылом пейзаже не наблюдал.

— Мы всякие старинные вещи по хорошей цене выкупаем, — бодрым тоном поспешил добавить Тощий.

Дед погладил морщинистую шею, словно раздумывая. И, помолчав немного, кивнул на самый дальний дом с заросшим плющом забором.

— За стариной — это вам к Евдокимовым. Тонька — баба прижимистая, за всю жизнь чего только не сберегла. Может, и договоритесь. Только с ней, если чего, дела ведите. Братец её Гришка — никудышный. Язык, что помело... А ума — их, — новый знакомец неопределённо махнул рукой.

Николай посмотрел в указанную дедом сторону — одноэтажный домишко со скосившейся набок гнутой телевизионной антенной. Участок ограждал хилый дощатый забор, сверху вразнобой приделана сетка-рабица.

— А остальные чего? — повернувшись, спросил он у деда.

— Нету тут остальных. В этом году даже Смирновы на дачу не приехали. Евдокимовы да я. Только я гол как сокол... разве что эту рухлядь купите, — он пнул деревянную лохань. Та отозвалась глухим звуком. Лохань была потемневшей от старости, с глубокими бороздами по краям — видно, не раз служила и для стирки, и для замачивания капусты, и для чего угодно ещё. На одном боку белела выцветшая полоса — след от когда-то сбитой краски.

— Спасибо тебе, дед, — сказал Тощий.

— Кузьма Андреич я. Ладно, бывайте, — старик с громким скрипом притворил калитку.

Переглянувшись, напарники пошагали к дому Евдокимовых. Пыль под ногами была сухой и лёгкой, она поднималась мелкими облачками и оседала на носках кроссовок. По обочинам тропинки желтели головки одуванчиков, а из высокой травы то и дело выныривали кузнечики, треща крыльями.

— Слышь, Колян, тут реально какая-то фигня. Чего-то дед темнит, чувствую я, — прошипел Тощий, когда они почти поравнялись с нужным забором.

— Не бзди... Со старьёвщика ты это хорошо придумал, — ответил Николай.

Звонка на калитке не наблюдалось. Привстав на цыпочках и поглядев на дом, который от входа на участок отделяло метров пять, мужчина крикнул:

— Хозяева есть? Скупка приехала!

С ближайшей яблони слетела маленькая тёмная птица. И тишина.

Выждав минуту, Николай прокричал повторно.

И снова тишина. Только в глубинах двора что-то глухо щёлкнуло — с таким звуком откидывают старые петли.

— Чего орёте? Чего орать — иду я! — раздался зычный женский голос. Из-за дома показалась его обладательница — необъятных размеров старуха шагала с большим трудом. Чёрная юбка до колен явно стесняла движения, сверху надетые вразнобой какие-то выцветшие кофты, блузки. Поверх, несмотря на жару, накинут шерстяной кардиган.

— Здравствуйте, хозяйка! — громко поприветствовал её Тощий.

Она подошла, поправляя повязанный на манер косынки чёрный платок.

— Не ори, не глухая. Чего надо? — цепкий взгляд перебежал с одного на другого. Николай невольно поёжился под пристальным взглядом, заныла разбитая Чепалом скула.

— Скупка мы, — не сдавался Тощий. — Ценные вещи за хорошую цену выкупаем. Не найдётся чего у вас?

Антонина поджала губы, на секунду задумавшись. С громким жужжанием мимо пролетел жук.

— Посуду берёте? — всё с той же недоверчивой интонацией проговорила она.

— Берём, но только без сколов. — Тощий вошёл в роль покупателя.

Старуха отмахнулась — то ли от парня, то ли от жука.

— Нету там сколов, там вилки с ложками. Бабка моя в усадьбе у графьев прислуживала...

Короче, неважно. Брать будете?

Парень покосился на Николая.

— Посмотреть сначала надо, оценить состояние, — пытаюсь не выдать дрожь в голосе, проговорил мужчина.

Антонина, вытянув шею, глянула куда-то за спины спутников. Потом бросила быстрый взгляд на дом. Шмыгнула носом и скинула щеколду с калитки.

— За мной идите.

Развернулась и медленно побрела к входу. Напарники последовали за ней.

Николай шёл, мельком оглядываясь. На участке бесхозными кучами валялись запчасти, ржавели какие-то бочки. Через порванный тент в покосившейся теплице виднелись заросли сорной травы.

У лестницы в две ступени старуха обстучала галоши и кивком указала на дверь.

— Заходите давайте, только не шумите, брат спит.

Тощий скорее ради приличия стукнул краем кроссовка о порог и толкнул дверь. Дом встречал их гнетущим полумраком. В нос ударил запах старой бумаги и каких-то пахучих лекарств.

— Проходите, неча мошек пускать — скрипуче проворчала старуха.

Николай, пригнув голову, шагнул во тьму дома.

Тощий скорее ради приличия стукнул краем кроссовка о порог и толкнул дверь. Дом встречал их гнетущим полумраком. В нос ударил запах старой бумаги и каких-то пахучих лекарств.

— Проходите, неча мошек пускать — скрипуче проворчала старуха.

Николай, пригнув голову, шагнул во тьму дома.

Глава 2. Ключ находит

Едва не налетев на Тощего — тот в тёмной футболке почти слился с мраком, — Николай медленно двинулся вперёд. Старуха позади зашлась кашлем, а едва успокоившись, прохрипела.

— До стены дойдите да обождите там. Я дальше проведу.

Волосы сверху мазнуло что-то липкое. Николай тряхнул головой, затем провёл ладонью — паутина. Коридор без окон казался бесконечным. Из ориентиров остались только громкое дыхание идущего впереди Тощего да поскрипывание половиц бредущей за спиной бабки.

Наконец напарник толкнул следующую дверь. Антонина прошаркала, волоча ноги, мимо них.

— Проходите, только под ноги смотрите, тут у нас вёдра.

Дальше двинулись той же растянутой гусеницей. Мимо каких-то шкафов, вёдер, хаотично засунутых в тапки. В одном углу мужчине удалось разглядеть прислонённую к трюмо оглоблю.

Прошли сквозь узкую, полутёмную кухню, заполненную запахами прогорклого масла. На то, что бурлило в эмалированной, увитой сколами кастрюле на плите, внимание заострять не хотелось. Поворот. Ещё один. То ли налево, то ли направо. Антонина с силой навалилась на массивную деревянную дверь. Та поддалась не сразу.

Хозяйка, утерев лоб, махнула в сторону стоящего по центру комнаты стола. У него прижились четыре разномастных стула.

— Тут посидите, а я сейчас, — коротко бросила она и скрылась за дверью слева.

Напарники переглянулись. Тощий пожал плечами и устроился, развалившись на ближайшем к выходу стуле. Под весом парня тот громко скрипнул.

Николай по кругу обошёл помещение, оглядываясь. Если убрать два шкафа и этажерку с советским сервизом, комната была бы даже просторной. Оценить её реальные размеры мешал стоящий полумрак — два окна были завешаны тряпками, мало напоминающими шторы. Источников освещения было два: небольшая люстра, свисающая на длинном шнуре над столом, да лампадка, что горела у иконы в красном углу. Лик святого в железном окладе было не разобрать. Отсветы пламени играли на изгибах металла.

Справа донеслись ритмичные чавкающие звуки. Их источник прятался за третьей выходящей в комнату дверью. У окна мерно гудела муха, лишь изредка предпринимая слабые попытки стукнуться о стекло.

— Ну и дыра, — прошептал Тощий, морщась.

Комната и правда навевала самые грустные мысли. И явно давно ждала, если не ремонта, то хотя бы генеральной уборки.

Николай потёр мыском кроссовка выдавший виды ковёр. Узора на нём разобрать было почти невозможно, а под ножками стульев он и вовсе протёрся до дыр.

Громыкнула тяжёлая дверь. Пройдя какими-то тайными тропами, хозяйка вернулась, прижимая к широкой груди россыпь столовых приборов.

На стол рядом с засиженной лампой полетели вилки и ложки, украшенные царским гербом.

— От, еле нашла. Смотрите.

Николай окинул быстрым взглядом разложенное на тёмной матерчатой скатерти богатство. А вот Тощий, похоже, вошёл во вкус. Он пристально разглядывал каждый предмет, вертел в руках и разве что не пробовал на зуб.

— Неплохие экземпляры имеются, — процедил парень, поднося трёхзубую вилку почти к самому носу.

— А то, — подбоченившись, пробормотала Антонина. — Бабка моя всю жизнь у графьев. Уж в чём, в чём, а в посуде толк знала.

Тощий покрутил несчастную вилку в руках, как делают с бокалом хорошего вина.

— Ну что, Николай? — напарник, видимо, решил разыграть дискуссию между двумя ценителями старины.

Мужчина вздохнул, но деваться было некуда — пришлось разбавлять этот театр одного актёра.

— Выборка интересная. Можно работать, — он задумчиво поднял взгляд вверх, к углу с иконой.

Скрываясь за лампадой, прямо напротив лика святого на верёвке висел длинный железный ключ. Головка округлая с какими-то замысловатыми узорами, борода — тонкая пластина с зубцами по краю.

— Берёте? Только сразу говорю, меньше трёхсот за ложку не отдам, — хищно ощерилась Антонина.

Проследив взглядом за Николаем, мотнула головой и насупилась:

— Туда даже не целься. Не продаётся. — голос хозяйки сделался тих и даже как-то грозен.

— Иконы мы и сами не берём. Грешно, — ответил мужчина. — Ключик узорный у вас там висит. Интересный.

Сидящий на стуле Тощий задрал голову, сияясь разглядеть хоть что-то в тёмном углу. Антонина стала сгребать вилки с ложками в одну кучу. За дверью, откуда раньше раздавались ритмичные звуки, что-то с грохотом упало.

— Нет. Сказано же.

Тощий лихорадочно переводил взгляд с Николая на сопящую хозяйку.

— Он у вас что от квартиры, где деньги лежат? — постарался пошутить парень.

На секунду замерев, Антонина заглянула в лицо сидящему. Потом, резко распрямившись, уставилась на Николая.

— С ключом из дома всё равно хода нет. Брать будете? — она кивнула, боднув воздух в сторону размётанных по столу нескольких вилок.

— Пять тыщ, — пробурчал Николай.

Сказано это было столь внезапно и быстро, что примостившийся на хлипком стуле Тощий подскочил и заозирался.

Старуха уставилась на мужчину, пожевав губы, решаясь. Тощий подавал какие-то сигналы, округляя глаза.

— Нет, — после затянувшейся паузы отказ упал гирей.

Николай мельком глянул на ключ. *«Десять сантиметров проржавевшего металла... и цена твоей жизни»*, — мелькнуло в голове, и он едва сдержал усмешку.

— Восемь. Прямо сейчас. За всё на столе и ключ.

Хозяйка лукаво прищурилась. Мужчина попытался было разгадать, что крылось за этим взглядом — усмешка или догадки о его скудоумии. Но быстро плюнул.

— Хороша цена, — окая на деревенский манер, пробормотала она. — Но ключ всё равно не отдам.

— Антонина, он что у вас, антикварный? — вспомнив холёные слова, вмешался в их странный торг Тощий.

Николаю показалось, что дверь, прятая источник звуков, скрипнула и кто-то припал к замочной скважине с той стороны.

— Памятный, — уклончиво ответила женщина.

— Тогда восемь пятьсот, — бодро предложил парень.

Николай подавил в себе желание прямо сейчас вмазать по коротко стриженной голове ёмкой затрещиной. Вместо этого он проговорил, цепляясь за каждое слово:

— Антонина, цену назовите.

— Чего талдычишь, сказано же — не продаётся, — глухо пробурчала женщина, насупив брови.

Люстра, дававшая скудный свет, коротнула. На мгновение комната погрузилась в тяжёлую темноту. Лишь лампадка у иконы спасительным огоньком мерцала во мраке. Через мгновение электричество вернулось — зажглась, загудела лампочка.

Николай усилием воли поборол в себе желание бежать. Подальше от неприятной старухи, мерзотного дома, от хлопающего, как дошкольник на зимнем утреннике, длинными ресницами напарника.

Антонина медленно провела ладонью по краю стола, будто проверяя, не осталось ли крошек.

— Памятный, говорю, — повторила она, и в голосе её теперь не было ни лукавства, ни деревенской мягкости — только глухая, упрямая твёрдость. — Не продаётся. Хоть сто тыщ давай.

Тощий нервно хихикнул, звук вышел сдавленным. Парень теперь повернул голову к двери, за которой явно ещё был кто-то. И этот невидимый зритель наблюдал, действуя на нервы.

— Ладно, — наконец выдохнул он, стараясь говорить ровно, без нажима. — Ключ не надо. Вилки заберу.

Он достал из кармана, отсчитал купюры и положил их на стол. Рука слегка дрожала, но он постарался сделать это как можно спокойнее. Тощий отправил в карман три вилки, что лежали ближе к нему. Не разбирая.

Антонина молча взяла деньги, пересчитывать не стала, сунула их в карман кофты. На улице заголосила собака.

Тяжело прошагав к выходу, женщина толкнула дверь, кивком пригласив гостей следовать за ней. Внутренне ругая себя, Николай хлопнул Тощего по плечу и поплёлся за хозяйкой.

Возвращались теми же бесчисленными коридорами, чередой захламлённых комнатёнок. В один момент Николаю показалось, что до него донёсся запах тошнотворного варева с кухни. Но ни плиты, ни кастрюли он на обратном пути не увидел.

Отворив входную дверь, Антонина всё так же молча пропустила их на улицу. Налетевший весенний ветерок приятно холодил щёки. Николай глубоко вздохнул, силясь оставить позади это странное место.

Пройдя по участку, напарники затворили за собой калитку — хозяйка проводить гостей до границ своего жилья не сподобилась, оставшись в доме.

Пройдя ещё пару метров по деревенской улочке, Николай резко развернулся и толкнул в грудь плетущегося за ним Тощего.

— Это чё мля сейчас такое было?

Тот покачнулся, но устоял.

— Ты чё творишь, Коля? — с нажимом спросил напарник. — Совсем берега попутал?

— Какие к хренам антиквары? Ты чё там про аукционы втирал? Бабка же после этого резко решила, что у неё там Эрмитаж, бля. И сраный алюминий должен по цене драгметаллов уходить. Чего, добился? Оценщик хренов.

Тощий поджал губы, буравя мужчину взглядом.

— Сам какого хрена ей восемь штук предлагал? Чё, по доброте душевной решил пенсов спонсировать?

— А хрена ты молчал? Там бы стелил, что дорого. Может, она и раскачалась, — мужчина показал рукой на оставшийся за спинами дом.

— Я чё, экстрасенс в твоей башке мысли читать?

— Тощий, ты не то что экстрасенс, ты скорее совсем в другую сторону.

Со стороны дома Евдокимовых донеслось какое-то движение. Хлопнула входная дверь, и к калитке стал приближаться, сильно прихрамывая, мужчина.

— Кудой? — зычно проорала бабка из окна, но наружу не показалась.

— Курить, — огрызнулся мужик в ответ, не обернувшись, а лишь активнее хромая.

Когда он подошёл почти к самому забору, стала понятна причина его резких, рывковых движений. Левой ноги по колено не было. Культя, обёрнутая в брючину синих спортивных штанов, высывалась из гуляющего протеза. Бело-голубая тельняшка с завернутыми рукавами, явно не по размеру, шла волнами при каждом шаге.

— Мужики, сигаретки не будет? — незнакомец, наклонив голову, выговаривал в щёлку между штaketником.

Напарники переглянулись. Николай нашарил в кармане пачку, подошёл и протянул просящему.

В нос ударил смрад перегара и невыводимый запах гниения.

— Чё, слышал я, как сеструха вас отбрила, — усмехнулся он, отчего седая порось на впалых щеках пришла в движение.

С невероятной быстротой повернувшись в сторону дома, погрозил кулаком.

— Ууу... Чтoб тебя, колода!

Сказано это было, правда, вполголоса.

— Григорий я. Её брат, — представился мужичок, затягиваясь. Клубы белого дыма на секунду окутали его, сделав похожим на лешего из детской сказки. Может, из-за хитрого прищура или нечёсанных седых патл, что торчали в разные стороны.

Напарники назвали свои имена.

— Вижу, что вы ребята нормальные, — продолжил он через пару затяжек. — Деловые.

— Ага, — протянул подошедший к ограде Тощий.

«*Чтoб я ещё раз этого клоуна на дело взял...*», — мелькнуло в голове вспышкой гнева.

Гриша ощерился, обнаружив покрытые жёлтым налётом зубы.

— Это хорошо, это правильно. Людям помогать вообще правильно, — пробормотал он, уставившись в глубину сада.

— Не хочет Антонина ключ продавать. Может, уговорите? — спросил Николай.

— Кого? Её? Её сам чёрт не уломает, не то что родной брат. Тут хитрее надо, с умом.

Григорий сжал фильтр сигареты, приплюснув в тонкий прямоугольник. Затянулся и тут же зашёлся хриплым кашлем. Со стороны дома донёсся протяжный высокий звук.

— Что за фигня? — приподнявшись на цыпочках, Тощий попытался найти его источник.

— Да дом старый, трещит, вот-вот по швам сложится, — запинаясь, проговорил Гриша.

— Короче, варианты есть? Мы у тебя тут до ночи под окнами стоять не будем, — глухо проговорил Николай.

Мужичок лишь крякнул и прошёлся рукой по жидкой бородёнке.

«*Цену набивает, козлина*», — вывод в голове оформился моментально.

— Отец, не томи, говори как есть. — Николай постарался сдержать эмоции.

— Есть вариант. — кончик языка с белым налётом прошёлся по потрескавшимся губам.

— Ну, — нетерпеливо пробормотал мужчина.

— Короче. Мы с сеструхой завтра с самого ранья в Кирвач на рынок собрались. На автобусе. Сечёте?

Николай напрягся: вламываться в дом или подписывать ещё какой криминал не хотелось категорически. Он сглотнул и тихо спросил:

— И чё, подкинуть вас надо?

Григорий, издав короткий хриплый смешок, продолжил:

— Деревня тут нежилая особо. Кузьму в расчёт не берите, — он кивком указал на соседский дом. — Глухой, как тетерев. Да и в чужие дела не лезет, мировой мужик. Короче, если договоримся, то я дверцу могу открытой оставить. Не бесплатно, ясен пень.

— Сколько?

— Пятнадцать. И пол-литра.

Тощий сделал шаг вперёд.

— Где мы тебе тут пол-литра найдём, у белок, что ли?

— В Кирваче ещё должен ларёк работать.

Николай нащупал в кармане купюры, провёл по ним пальцами.

— Правильно ли я тебя, Григорий, услышал? Что мы тебе сейчас лекарства принесём вместе с большими деньжищами. А ты нам за это завтра дверку открытой оставишь? А может, у тебя там ещё пять рыл по комнатёнкам сидят, и нам все рёбра пересчитают? Или у Тони твой муж был охотником и по всему дому капканы?

Гриша, ощерившись, сплюнул под ноги.

— Нормально там всё. Слово даю. Ни братьев, ни капканов. Зайдёте, ключ заберёте. Только тихо и по комнатам особо не шастайте. Чтоб сеструха сразу не чухнула. А когда поймёт, что его нету, — где вас искать. Да и я вроде как не при делах — дверку на выходе прикроете.

Николай уставился на Тощего. Парень, приняв это за немой вопрос, неуверенно кивнул.

«Пятнадцать штук за ржавый кусок металла», — подумал мужчина.

«За твою свободу», — поправил его внутренний голос.

— Ладно, хрен с тобой. По рукам, — выпалил он. — Но только по уговору. Если чего не так, то я тебе и вторую ногу укорочу.

Гриша просиял, несмотря на желтушную кожу заядлого алкоголика.

— Все пацаны договорились. Вы тут у калиточки всё оставьте, как стемнеет. И ждите. Мы часов в шесть, по холодку отправимся.

На том и разошлись.

— Темнит, темнит этот Гриша, — выжимая педаль в пол, не умолкал Тощий.

Машина гудела, но завестись не могла. Салон за время их отсутствия успел нагреться и пах смесью пыли, бензина и горячего металла. Николай кусал губы, разглядывая своё отражение в боковом зеркале.

— И чё предлагаешь? Послать Гришу и самим к ним завтра заявиться? Так?

Тощий замер, перестав газовать.

— Слышь, я на такое не подписывался. Сам знаешь, у меня мамка лежащая — мне в тюрьму нельзя.

Перед глазами Николая вспыхнули воспоминания: маленькая, воняющая нашатырём и хлоркой квартирка и обезножившая старушка, ведущая беседы с умершим семнадцать лет назад мужем.

— Да ладно тебе. Это я так. Я с условкой тоже не полезу туда. Бабла, конечно, жалко...

Двигатель заработал, машина с резким толчком тронулась. Они вывернули на грунтовку, начинавшую уже местами зарастать бурьяном. Высокие стебли хлестали по бокам машины.

— У нас плана другого всё равно нет. Либо с этим колченогим связываться, либо я даже хрен знает нам этот ключ добывать, — размышлял вслух Николай.

Тощий подозрительно притих, буравя глазами дорогу.

— Да ладно тебе, Андрюх. Кипишь раньше дела никому не помогал ещё, — попробовал успокоить напарника мужчина.

— Коля, не нравится мне это всё. Ой как не нравится.

— Да ты задрал. По факту чё имеем: дом-развалюху, одноногого мужика да бабу, которая еле ползает. И мы при таком раскладе ключ забрать не можем. Даже не забрать — выку-

пить. Бабло всё равно всё в семью уйдёт. Пусть и к этому алкоголику. А прочухает Антонина, так всех собак сначала на братца спустит. Короче, не ссы!

До магазина доехали за десять минут до его закрытия. По каким-то неписаным деревенским традициям у них сегодня был короткий день. Прода

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.